

Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов

Выпуск № 17
Июль 2025
«Геополитика и технологии»

все выпуски здесь

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
И СТРАТЕГИИ НИУ ВШЭ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Составители

Д.В. Тренин (руководитель проекта), к.и.н., директор Института мировой военной экономики и стратегии, dtrenin@hse.ru

Е.А. Дегтерева (заместитель руководителя проекта), д.э.н., заместитель директора Института мировой военной экономики и стратегии, edegtereva@hse.ru

А.Ю. Чихачев (научный редактор), к.полит.н., ведущий эксперт Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии, achihachev@hse.ru

М.С. Рамич (аналитик), ведущий эксперт Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии

А.Д. Янькова (аналитик), младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований

М.О. Габриелян (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.Ф. Мирская (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

М.А. Парамонова (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

В.О. Потемкина (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.И. Сабанцев (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.С. Прокофьева (верстка/дизайн)

Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов

по материалам зарубежных
аналитических центров

Институт мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ (ИМВЭС НИУ ВШЭ) представляет **«GS trends 7'25: мониторинг глобальных стратегических трендов»**.

- Каждый выпуск составлен по материалам ведущих зарубежных аналитических центров и обеспечивает краткий аналитический формат, что позволяет экономить время.
- Мониторинг отражает наиболее важные экспертные идеи в области международной безопасности, военной политики и экономики.
- Публикации сгруппированы по странам и объединены в ключевые тематические разделы.
- Выпуск основывается на информации, доступной на последний день каждого месяца.
- Выборка материалов зарубежных центров сформирована экспертами-аналитиками ИМВЭС, профессионально владеющими различными языками (в том числе китайским, корейским, японским, немецким, французским, итальянским, польским и др.).
- Уникальность мониторинга заключается в том, что многие оригинальные доклады зарубежных аналитических центров в России недоступны.
- Мониторинг будет полезен широкому кругу специалистов, в том числе исследователям, а также лицам, принимающим решения.

Выпуск «GS trends 7'25: мониторинг глобальных стратегических трендов» посвящен геополитическим сдвигам в разных регионах мира, соперничеству отдельных держав, включая США и Китай, а также новым горизонтам технологической конкуренции – гонке за искусственный интеллект.

Материал открывает раздел «Стратегия», содержащий группу статей, подготовленных под эгидой аналитических центров США, КНР, Индии, Саудовской Аравии, Египта, Республики Корея. Американские авторы (Институт Катона) рассуждают о потенциале соперничества Вашингтона и Пекина на Ближнем Востоке, полагая, что администрации Д. Трампа вовсе не следует наращивать там военное присутствие в ущерб Азиатско-Тихоокеанскому региону. Китайские аналитики (IISS, Пекинский университет) добавляют более широкий контекст и полагают, что в силу активности нынешнего хозяина Белого дома в мире нарастает феномен «обратной глобализации». В Индии (Национальный морской фонд) подробно изучают положение дел в западной части Индийского океана, приходя к выводу, что Нью-Дели может играть активную роль в обеспечении морской безопасности. В материале из Саудовской Аравии (Центр исследования Залива) приходят к выводу, что между членами ССАГПЗ и Ираном необходим диалог, несмотря на текущие политические сложности, поскольку собственная модель региональной безопасности, отстаиваемая монархиями, не оправдала себя. Египетская экспертная мысль (ACPS) представлена материалом о внешнеполитической линии Турции с особым вниманием к ее растущему влиянию в Сирии после окончания правления Б. Асада. В Южной Корее (INSS) на фоне создания нового командования в структуре вооруженных сил Японии размышляют о прочности союзнических отношений в рамках треугольника Вашингтон – Сеул – Токио.

Раздел «Военная мысль» включает в себя аналитику из Китайской военной сети и индийского Национального морского фонда. Китайские эксперты разбирают тезисы Си Цзиньпина о культурном измерении вооруженных сил, указывая, что в подходе руководства органично сочетаются традиционно-исторические военные установки, социалистическая идеология и новейшие тренды. В Индии рассуждают о трансформации боевых действий, обращая внимание на расширяющуюся практику точечного устранения оппонентов и фактор медийности.

Раздел «Новые технологии» содержит взгляд аналитиков из китайских аналитических центров. В Фуданьском институте развития (FDDI) отслеживают эволюцию стратегии США в области искусственного интеллекта (ИИ), считая, что конкуренция за цифровые технологии уже становится «космической гонкой XXI в.», а Вашингтон будет стремиться к сохранению у себя права определять международные стандарты регулирования. В свою очередь, эксперты Китайской военной сети обобщают различные варианты военного использования ИИ, основные вызовы в этой сфере и успехи отдельных стран.

Раздел «Экономика» представлен текстом от той же Китайской военной сети, в котором транслируется официальная позиция Пекина по вопросам экономической безопасности – сохранять устойчивость к внешнему давлению при вовлеченности в мировую экономику. Авторы отмечают, что экономика выступает неотъемлемой частью «всеобъемлющей концепции национальной безопасности» Си Цзиньпина, которую можно назвать комплексной великодержавной стратегией Китая на современном этапе.

Раздел «Специальная военная операция» представлен материалами из американского центра CNAS и французского аналитического портала Le Rubicon. Эксперты из США выдвигают концепцию «оси возмущения», считая, что четыре страны – Россию, Иран, Китай и Северную Корею – необходимо рассматривать в качестве единой группировки, где политические и военно-технические контакты между участниками представляют собой прямую угрозу глобальному влиянию США. Во Франции задумываются о возможном ухудшении стратегической обстановки на Черном море из-за позиции Турции насчет Конвенции Монтрё, а также рассуждают о гипотетическом контингенте западных стран на Украине («коалиции желающих»), отмечая проблемы реализации этой инициативы.

Если вы не нашли в этом выпуске нужный вам материал или хотите дать обратную связь, можете обратиться к А.Ю. Чихачеву (achihachev@hse.ru).

Содержание

СТРАТЕГИЯ.....	8
США	8
Бесцельное соперничество: бесполезность американо-китайской конкуренции на Ближнем Востоке	8
Китай.....	12
Конкуренция между Китаем и США, обратная глобализация и регресс мировой политики	12
Индия	17
Наращивание морского потенциала и расширение возможностей Индии в западной части Индийского океана	17
Саудовская Аравия	23
Поворотный момент или шаг назад? Будущее отношений ССАГПЗ и Ирана.....	23
Египет.....	26
Укрепление влияния: как Турция пользуется геополитическими сдвигами после падения Асада	26
Республика Корея	30
Создание Объединенного оперативного командования в Японии и изменение архитектуры безопасности Северо-Восточной Азии.....	30
ВОЕННАЯ МЫСЛЬ.....	32
Китай.....	32
Культурный фактор в рассуждениях Си Цзиньпина о сильной армии.....	32
Индия	35
Как убийства и виртуальный нарратив меняют облик войны	35

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	38
Китай.....	38
«Гонка, в которой нужно победить»: всесторонний анализ плана действий США в области искусственного интеллекта.....	38
Китай.....	41
Иностранные армии ускоряют трансформацию боевых систем через интеграцию интеллектуальных технологий.....	41
ЭКОНОМИКА	45
Китай.....	45
Комментарий к реализации решений Политбюро ЦК КПК в контексте успешного завершения 14-й пятилетки...	45
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ.....	48
США	48
Ось возмущения: оценка растущего военного сотрудничества между Россией, Китаем, Ираном и Северной Кореей.....	48
Франция	51
Парадокс Монрё: как прекращение огня на Украине может проложить путь к эскалации на Черном море	51
Франция	54
Европейские силы на Украине: о чем идет речь?	54

США

Бесцельное соперничество: бесполезность американо-китайской конкуренции на Ближнем Востоке (Aimless Rivalry. The Futility of US-China Competition in the Middle East)

Институт Катона
(CATO Institute)

Джон Хоффман (Jon Hoffman), научный сотрудник Института Катона в области обороны и внешней политики, эксперт в вопросах внешней политики США в регионе Ближнего Востока, региональной геополитики и феномена политического ислама. Лауреат премии «40 under 40», присуждаемой Советом по ближневосточной политике, востребованный комментатор и автор статей в таких изданиях, как Foreign Policy, The Washington Post, The National Interest.

10.07.2025. URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2025-07/policy-analysis-1000-updated.pdf>

Теги: #США #Китай #Ближний Восток #Многополярность

Свежий доклад CATO Institute за авторством Дж. Хоффмана представляет собой критический комментарий преобладающего в американской военной и экспертной элите образа Ближнего Востока как пространства конкуренции великих держав, прежде всего США и Китая. Автор выдвигает несколько аргументов о несостоятельности этой позиции, указывая, что присутствие КНР в регионе не противоречит американским военным возможностям. Более того, он обращает внимание на выгоды, которые китайской стороной извлекаются из сформировавшейся архитектуры: за счет присутствия США Китай не несет издержек в сфере безопасности, а любыми намеками на военное строительство отвлекает американские силы от Индо-Тихоокеанского региона. Хоффман резюмирует, что США попали в «китайскую ловушку» в регионе, чрезмерно реагируя на изменение баланса сил. В заключение он призывает к стратегическому выходу с Ближнего Востока, видя в построении региональной многополярности выгоды для американской безопасности.

На протяжении последних двух десятилетий присутствие Китая в регионе Ближнего Востока заметно возрастает, что отражается в экономических, дипломатических и военных инициативах. Подобное продвижение интересов вызывает все большую обеспокоенность американских политиков и экспертов. В частности, глава CENTCOM М. Курилла выразил опасения, что действия КНР создают «стратегический рычаг для вытеснения лидерства США в регионе под видом благоприятных экономических инициатив и расширения отношений в сфере безопасности».

Автор доклада Дж. Хоффман оспаривает эту позицию и ведет заочную полемику (в том числе с командующим CENTCOM) по этому вопросу. С его точки зрения, американские элиты создают ошибочную иллюзию блокового противостояния на Ближнем Востоке и воспринимают региональную активность КНР как игру с «нулевой суммой», которая в скором времени перерастет в военно-политическую плоскость.

Главный тезис автора состоит в том, что Соединенные Штаты создали себе иллюзию конкуренции с Китаем в регионе, которая в корне противоречит объективной картине мира и американским национальным интересам. «КНР – осторожный оппортунист на Ближнем Востоке; Пекин изначально не склонен рисковать и подходит к региону с осторожностью», – резюмирует он.

Чтобы доказать свою позицию, Хоффман разделит отчет на три раздела. В первом он рассматривает растущее присутствие Китая в регионе, особенно в последние три десятилетия, а также основные региональные интересы и намерения Пекина. Во втором он исследует пределы проецирования силы Китая на Ближнем Востоке. А в третьем разделе переходит к еще одному аспекту региональной безопасности – манипуляциям региональных держав, использующих стратегическую конкуренцию США и КНР в своих корыстных целях.

Свой анализ автор CATO Institute завершает выводом, что Ближний Восток движется к построению многополярного миропорядка, который в действительности отвечает национальным интересам США.

В первом разделе помимо краткой исторической справки Хоффман рассматривает основные экономические интересы Китая в регионе. Он приходит к выводу, что китайская сторона усиливает свои позиции в регионе не из желания оспорить лидерство США, а из своих практических потребностей в нефти и инвестициях для поддержания собственной экономики. Как следствие, аналитик опровергает сразу несколько популярных в среде американских военных и экспертов тезисов: о планах Китая получить контроль над Ормузским проливом (из-за невозможности для КНР рисков в случае перекрытия импорта нефти); о проекте «Пояс и путь» как экономической экспансии Китая (из-за финансовой ограниченности проекта); о принятии арабских стран в БРИКС как прямом вызове доминированию США (из-за неформализованной структуры и противоречий внутри стран клуба); о формировании «китайско-иранской коалиции» (из-за крайней нестабильности инвестиций КНР в Иран и более активных экономических отношений с Саудовской Аравией и ОАЭ). Он резюмирует, что в экономических вопросах Китай скорее является пассивным игроком.

Во второй части Хоффман обращает внимание, что военно-политические инициативы Китая также имеют ограничения и скорее несут в себе символический характер. В частности, он выдвигает тезис, что КНР стремится к малозатратным дипломатическим акциям. Например, посредничество и восстановление дипломатических отношений Ирана и Саудовской Аравии было результатом долгой работы Ирака и Омана, а помощь Китая в 2023 г. была скорее фиксацией достигнутых договоренностей. Кроме того, исследователь выдвигает тезис, что Китай не только не предлагает свои варианты региональной архитектуры безопасности, но и извлекает выгоды из военного присутствия США. По его словам, китайская сторона получает гарантированную безопасность своих инвестиций, а также отвлекает американские ресурсы от переориентации в Индо-Тихоокеанский регион (например, слухами об открытии военных баз КНР в Омане и ОАЭ), поддерживая иллюзию стратегической экспансии на Ближнем Востоке. Аналогичным образом Хоффман обращает внимание, что Китай остается незначительным игроком на региональном рынке вооружений (даже для Ирана), несмотря на рост продаж на 80% с 2013 г.

В третьем разделе аналитик CATO Institute пишет о феномене «чрезмерной реакции» США на присутствие Китая на Ближнем Востоке, называя его одной из главных угроз военной и внешней политики. Под ней он подразумевает ситуацию, когда американские чиновники под предлогом «китайской угрозы» излишне заняты ближневосточными инициативами, отвлекая ресурсы США от других направлений. Например, Хоффман сослался на пример Соглашений Авраама 2020 г., когда администрация Д. Трампа уделила чрезмерное внимание их подписанию под предлогом создания новой архитектуры региональной безопасности, которая будет контролировать ключевые морские пути Китая. Однако в действительности Саудовская Аравия под предлогом китайского присутствия выдвинула неприемлемые для Соединенных Штатов требования по большим поставкам вооружений и доступу к технологиям в сфере атомной энергетики, а также никак не изменила свой курс.

Автор резюмирует, что при администрации Дж. Байдена тенденция к отвлечению военных ресурсов также продолжилась, особенно на фоне конфликта на Украине и новых требований монархий Персидского залива, которые выдвигают неадекватно высокие запросы, параллельно сохраняя партнерские отношения с Россией. Исследователь приводит и конкретные цифры, указывая, что ежегодно США тратят порядка 100 млрд долл. на региональное военное присутствие (непропорционально больше китайского присутствия).

В заключение Хоффман выдвигает тезис, что для США остается три приоритета в регионе: поддержание свободного потока нефти, предотвращение террористических угроз для американской территории и предотвращение появления регионального гегемона. По его мнению, повышенное военное присутствие на Ближнем Востоке и страх перед Китаем не отвечают ни одной из задач. Он отмечает, что КНР придерживается исключительно экономических, а не стратегических интересов. Как следствие, аналитик призвал к постепенному выходу войск из региона и их перенаправлению в ИТР. Он подчеркнул, что снижение приоритетности Ближнего Востока с формированием многополярной системы никак не угрожает американской национальной безопасности. Аналогичным образом он сослался на конфликт на Украине, подчеркнув бесперспективность участия в нем.

Конкуренция между Китаем и США, обратная глобализация и регресс мировой политики (China-US competition, reverse globalization, and the regression of world politics)

Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета
(Institute of International and Strategic Studies Peking University, IISS, журнал China International Strategy Review)

Янь Сюэтунь (Xuetong Yan), Ци Хайся (Haixia Qi), департамент международных отношений, Университет Цинхуа, Пекин

07.07.2025. URL: <https://doi.org/10.1007/s42533-025-00187-8>

Теги: #Китай #США #Обратная глобализация #Популизм
#Международный порядок #Геополитика #Соперничество великих держав
#Прогнозирование #Моральный реализм

В статье дан анализ текущего мирового порядка с позиции представителей китайской школы международных отношений. Ключевой тезис авторов заключается в том, что мир переживает регресс и вступает в фазу непредсказуемой биполярной конфронтации. Этот процесс обусловлен двумя взаимосвязанными силами: ростом популизма и тенденцией к «обратной глобализации». Логика авторов такова: глобализация и цифровая экономика привели к резкой поляризации доходов, что вызвало рост популистских настроений в обществе. Популизм, в свою очередь, придя к власти, запускает политику «деглобализации» под лозунгами защиты «экономической безопасности», что в итоге и формирует глобальный тренд на сокращение международного сотрудничества.

Несмотря на теоретическое обобщение, анализ четко отражает китайскую точку зрения. Рост популизма представлен как эндогенная проблема западных стран, вызванная крайностями либерализма. США, в частности, через торговые войны и политику «размежевания» изображаются как главный инициатор «деглобализации». В отличие от этого предлагаемая стратегия для Китая носит более конструктивный характер: сохранять открытость, предоставлять международные общественные блага и развивать международное сотрудничество в сфере ИИ, чтобы укрепить свое лидерство. Таким образом, ответственность за регресс мировой политики имплицитно возлагается на внутренние кризисы и внешнюю политику Запада.

Безусловно, публикация пропитана миротворческим взглядом на роль Китая в мировой политике и экономике. В то же время публикация определяет ядро американо-китайского соперничества, в качестве которого Пекин видит не идеологию, а борьбу за доминирование в сфере цифровых технологий. При этом стоит заметить, что тенденции роста популизма и «обратной глобализации» хорошо ложатся на курс Д. Трампа, действия которого во многом подрывают сложившуюся систему глобального мира.

Авторы начинают с констатации, что на фоне продолжающихся конфликтов, таких как российско-украинский и израильско-палестинский, мир становится все более беспокойным, а риск беспорядка в международной системе неуклонно растет. Эта ситуация характеризуется усилением тенденций «обратной глобализации» и протекционизма. Даже страны Запада, ранее выступавшие за либеральный международный порядок, теперь делают акцент на «размежевании» (decoupling). В статье ставится задача проанализировать, как соперничество великих держав и частые конфликты влияют на глобальный ландшафт. Для этого авторы сначала исследуют текущее состояние соперничества великих держав, затем анализируют глубинные эффекты обратной глобализации и популизма, после чего рассматривают китайско-американские отношения и, наконец, предлагают возможные направления для китайской дипломатии с точки зрения теории «морального реализма».

Международный порядок и соперничество великих держав

В статье утверждается, что в мире формируется биполярная структура. Авторы ссылаются на заявление президента Франции Э. Макрона от 2019 г. о том, что мир будет сосредоточен вокруг двух основных центров – США и Китая. Эту точку зрения разделяет и генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, который в 2019 и 2021 гг. предупреждал о «расколе мира на два лагеря», где две крупнейшие экономики создают два отдельных и конкурирующих мира со своими собственными валютами, торговыми и финансовыми правилами, интернетом, возможностями в области искусственного интеллекта и антагонистическими геополитическими стратегиями. Гутерриш также отметил, что эта новая биполярность отличается от холодной войны гораздо большей непредсказуемостью и неопределенностью. МВФ в своем отчете за апрель 2024 г. также указал на разделение мира на блоки, сосредоточенные вокруг США и Китая, с неприсоединившимися странами между ними.

Авторы подчеркивают, что для оценки международного ландшафта важен не только разрыв в мощи между США и Китаем, но и разрыв между этими двумя державами и всеми остальными игроками. Ключевым фактором, влияющим на изменения в международном порядке, является то, какие стратегии конкуренции предпочитают лица, принимающие решения в великих державах. Если они выберут войну, порядок может измениться за несколько лет; если идеологическую экспансию – то за 10 лет или дольше; а если конкуренцию через технологические инновации, то нынешний ландшафт может сохраняться более 20 лет. Ожидается, что американо-китайское соперничество будет продолжаться долгое время и строиться на недоверии и конкуренции, а не на сотрудничестве.

«Обратная глобализация», популизм и регресс мировой политики

Авторы проводят различие между тремя понятиями: «антиглобализация», «деглобализация» и «обратная глобализация».

Антиглобализация – это противодействие процессу со стороны простых людей и малых/средних предприятий, которые считают, что глобализация выгодна в основном транснациональным корпорациям и крупному капиталу. Примером является движение Оссиру Wall Street.

Деглобализация – это действия правительств по сокращению или прекращению международного сотрудничества. Этот процесс начался с таких событий, как Brexit в 2016 г. и торговая война, инициированная США против Китая в 2018 г.

«Обратная глобализация» – это историческая тенденция, которая возникает, когда политика деглобализации становится широко распространенной. Пандемия COVID-19 и российско-украинский конфликт дали многим правительствам легитимные основания для усиления этой политики. Например, после начала конфликта на Украине ЕС принял решение снизить свою зависимость от международных цепочек поставок продовольствия, чипов, медикаментов и сырья, стремясь создать внутреннюю цепочку поставок в рамках ЕС.

Первопричиной этих процессов является то, что глобализация и цифровая экономика усугубили поляризацию богатства как на международном, так и на внутреннем уровнях. Это привело к росту недовольства среди низших социальных слоев и уязвимых групп, что способствовало подъему популизма. Авторы различают левый популизм (противодействие крупным корпорациям) и правый популизм (противодействие глобализации, иммиграции и элитам). Главная опасность, по их мнению, заключается в соединении «мысли и власти»: когда популистские идеологии обретают политическую власть, они неизбежно приводят к политике деглобализации во имя защиты «экономической безопасности».

Соперничество США и Китая будет усиливаться

США рассматривают Китай как свой самый большой и всеобъемлющий стратегический вызов. В отчете министерства обороны США за 2023 г. Китай назван «наиболее значимым стратегическим конкурентом на ближайшие десятилетия», который обладает как намерением, так и растущей мощью для изменения международного порядка. Россия же в отличие от Китая представляет собой «острую» угрозу, но не может системно бросить вызов США в долгосрочной перспективе.

Ключевое отличие нынешнего соперничества от американо-советского заключается в том, что оно разворачивается одновременно в физическом и киберпространстве. Ядром конкуренции является не идеология, а цифровые технологии, где основной ресурс – это данные. Таким образом, стратегическое соревнование сосредоточено на улучшении возможностей по сбору и обработке данных. Стратегия США «маленький двор, высокий забор» направлена именно на то, чтобы замедлить темпы цифровых инноваций Китая. Внешняя политика США в отношении Китая описывается как «трехсторонний подход»:

- сотрудничество в таких областях, как климат (рассматривается как факультативное);
- конкуренция в истинном ядре политики (технологии, военная сфера, торговля);
- конфронтация по таким вопросам, как права человека, Тайвань и Южно-Китайское море (используется как инструмент).

Второй срок Д. Трампа, вероятно, усугубит ситуацию. В его предвыборной программе указаны планы по защите американских рабочих в рамках политики «Америка прежде всего» и постепенному отказу от импорта всех основных товаров из Китая в течение четырех лет.

Российско-украинский конфликт и китайско-европейские отношения в новой ситуации

Российско-украинский конфликт серьезно нарушил прежнюю стратегию хеджирования многих стран, которая заключалась в «экономике, опирающейся на Китай, и безопасности, опирающейся на США». После начала конфликта ЕС и некоторые страны АСЕАН отказались от этой стратегии, склонившись в сторону США как в экономике, так и в безопасности. В военном отношении показательно, что США не перебрасывали войска из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу, в то время как европейские члены НАТО направляли военные корабли и самолеты в АТР, что демонстрирует стратегический фокус США на сдерживании Китая. Экономически Европа приостановила Всеобъемлющее инвестиционное соглашение с материковым Китаем и теперь стремится подписать его с Тайванем. В ответ на это лидеры ЕС, такие как Э. Макрон и У. фон дер Ляйен, призывают к «стратегической автономии» и диверсификации торговли, чтобы уменьшить зависимость и снизить риски, что свидетельствует об опасениях по поводу экономического сотрудничества с Китаем.

Заключение

Авторы отмечают, что тенденции обратной глобализации и популизма уже сформировались и американско-китайская конкуренция будет только усиливаться. Согласно их теории морального реализма, растущая неопределенность в мире вызвана в первую очередь «сильным ксенофобским менталитетом» среди политиков ведущих держав. Эти лидеры воспринимают внешние факторы как главную причину внутренних проблем и используют лозунг «экономической безопасности» как предлог для сокращения международного сотрудничества. В статье перечисляются конкретные страхи: США боятся технологических достижений Китая, ЕС – зависимости от российских энергоресурсов, Россия – расширения НАТО на восток и т.д. На этом «историческом перекрестке» Китаю рекомендуется действовать с большой осторожностью. Предлагается поддерживать открытость и предоставлять международные общественные блага, оказывать моральную поддержку более слабым сторонам и активно развивать как внутренние исследования, так и международное сотрудничество в области ИИ, чтобы укрепить свое международное лидерство.

Индия

Наращивание морского потенциала и расширение возможностей Индии в западной части Индийского океана

(India's Maritime Capacity-Building and Capability-Enhancement in the Western Indian Ocean)

Национальный морской фонд
(National Maritime Foundation, NMF)

Анум Хан (Anum Khan), младший научный сотрудник
Национального морского фонда

23.07.2025. URL: <https://maritimeindia.org/indias-maritime-capacity-building-and-capability-enhancement-in-the-western-indian-ocean/>

Теги: #Учения AIKEYME #IOS SAGAR #Наращивание потенциала
#Расширение возможностей #Западная часть Индийского океана
#Архитектура морской безопасности

Данная статья представляет собой комплексное обобщение подходов Индии к выстраиванию партнерских отношений в западной части Индийского океана и наглядно отражает ее амбиции ведущего регионального игрока. Представленные инициативы – от многосторонних учений AIKEYME до поставок техники и подготовки персонала – демонстрируют, как Индия последовательно включает страны региона в свою сферу влияния в вопросах безопасности, что в перспективе усиливает военно-техническое сотрудничество. Такая деятельность дает Нью-Дели заметные рычаги влияния на партнеров: унификация процедур, обучение кадров и внедрение индийских систем повышают оперативную совместимость и создают благоприятные условия для долгосрочного продвижения продукции индийского ОПК на африканском рынке. Хотя автор делает упор на гармонизации безопасности, наращивая потенциал стран региона, Индия одновременно укрепляет свой статус гаранта безопасности, формирует привязку партнеров к собственным технологиям и стандартам и потенциально открывает путь к дальнейшему расширению своего присутствия.

Статья начинается с анализа знаковых событий апреля 2025 г., которые автор называет поворотным моментом для морских амбиций Индии в западной части Индийского океана. Было запущено две ключевые инициативы. Первой стала шестинедельная миссия корабля IOS SAGAR (в качестве которого был назначен патрульный корабль INS Sunauna), отправившегося из индийской базы в Карваре. Уникальность миссии заключалась в том, что на борту находился смешанный экипаж из индийских моряков и 44 представителей девяти «дружественных иностранных государств», что было направлено на повышение оперативной совместимости. Перед отправкой иностранные военнослужащие прошли двухнедельную интенсивную подготовку в учебных центрах ВМС Индии в Кочи, где их обучали современным системам связи и методам борьбы за живучесть корабля.

Второй инициативой стали первые в истории многосторонние учения AIKEYME (на санскрите - «Единство»), которые Индия провела совместно с Танзанией. В учениях приняло участие большинство стран Восточной Африки: Коморские острова, Джибути, Эритрея, Кения, Мадагаскар, Маврикий, Мозамбик, Сейшелы, а также Южная Африка. Мероприятие было разделено на береговую фазу в Дар-эс-Саламе, включавшую штабные учения по борьбе с пиратством и тренировки по досмотру судов, и морскую фазу с практическими маневрами, поисково-спасательными операциями и стрельбами. Эти учения, в которых со стороны Индии также участвовали эсминец INS Chennai и десантный корабль INS Kesari, были призваны укрепить коллективный потенциал региона для противодействия общим угрозам.

Автор отмечает, что среда безопасности в западной части Индийского океана претерпела значительные изменения. Если раньше основной проблемой считалось сомалийское пиратство, то сегодня регион сталкивается с гораздо более широким и сложным спектром нетрадиционных угроз. К ним относятся незаконная миграция по морю (особенно в Мозамбикском проливе), контрабанда наркотиков и диких животных, нерегулируемый рыбный промысел, а также морской терроризм. Эти вызовы усугубляются их связью с наземной нестабильностью в прибрежных африканских государствах, что усложняет правоприменительную деятельность.

В статье вводится важное концептуальное различие между двумя схожими терминами: «наращивание потенциала» (capacity-building) и «расширение возможностей» (capability-enhancement). Первое относится к предоставлению материальных активов, таких как корабли, самолеты, радары и инфраструктура. Второе же касается развития человеческого капитала – обучения персонала, передачи знаний и выработки навыков. Автор отмечает, что Индия имеет долгую историю деятельности в обеих сферах, в частности через свою Программу технического и экономического сотрудничества (ИТЕС), действующую с 1964 г.

Индия зарекомендовала себя как ключевой партнер стран западной части Индийского океана в сфере безопасности, действуя по нескольким направлениям. В области «наращивания потенциала» Индия поставляла материальные активы: Мозамбику были переданы быстроходные катера-перехватчики, Сейшелам – четыре патрульных корабля и морской патрульный самолет Dornier, а Маврикию – несколько патрульных судов, включая MCGS Barracuda, который стал первым военным кораблем, экспортированным Индией.

Помимо этого ВМС Индии играют ведущую роль в оказании гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий в регионе, заслужив репутацию «первого ответчика в случае бедствий». Это стало возможным благодаря постоянному присутствию индийских кораблей и их готовности к быстрому реагированию, как это было во время циклона «Идай» в 2019 г. (операции SAGAR и VANILLA) или при эвакуации 3862 индийских граждан из Судана в ходе операции KAVERI. Эта деятельность является практической реализацией индийской политики SAGAR («Безопасность и рост для всех в регионе»), которая недавно была расширена до концепции MAHASAGAR, охватывающей весь Индо-Тихоокеанский регион.

Несмотря на значительные усилия со стороны международных партнеров, автор выделяет несколько системных проблем, которые препятствуют эффективному обеспечению морской безопасности в странах западной части Индийского океана. У большинства государств региона отсутствуют официальные, всеобъемлющие национальные стратегии морской безопасности, которые критически важны для координации усилий различных ведомств. Существующие региональные центры, такие как RMIFC на Мадагаскаре и RCOС на Сейшелах, не могут работать в полную силу из-за слабого обмена данными на национальном уровне в странах-участницах. Кроме того, ощущается нехватка ресурсов и квалифицированных кадров. Автор также отмечает тревожную «обратную тенденцию», приводя в пример Южную Африку. Ее ВМС, некогда одни из сильнейших в Африке, находятся в состоянии упадка из-за многолетнего недофинансирования (оборонный бюджет – менее 1% ВВП), что срывает патрулирование и техническое обслуживание флота. В то же время Кения демонстрирует положительную динамику, создав Национальный комитет по морской безопасности и разрабатывая реестр рисков.

Для иллюстрации текущего состояния национальных структур морской безопасности в ключевых странах региона в статье приводятся следующие данные.

Таблица 1. Национальные структуры морской безопасности в странах западной части Индийского океана

Страна	Стратегия морской безопасности	Координационный комитет по морским вопросам	Структуры по обеспечению соблюдения морского законодательства	Действующие правоохранительные органы в морской сфере
Сомали	Стратегия по морским ресурсам и безопасности Сомали (SMRSS) (2013)	Действует Национальный координационный комитет по морским вопросам (при поддержке МООНСОМ)	<ul style="list-style-type: none"> • Координационный центр спасения на море • Зона сообщества SOMSEA (платформа IORIS) 	<ul style="list-style-type: none"> • Морская администрация Сомали • Береговая охрана Сомалиленда • Морская полиция Пунтленда (PMPF)
Сейшельские острова	В стадии разработки (анонсирована в 2018)	Национальный координационный центр по обмену информацией (общий комитет отсутствует)	<ul style="list-style-type: none"> • Региональный центр по синтезу и обеспечению правопорядка (RE-FLECS3) • Региональный координационный оперативный центр (RCOC) • Национальный координационный центр по обмену информацией (NISCC) 	<ul style="list-style-type: none"> • Береговая охрана • Бюро по борьбе с наркотиками • Морская полиция • Управление по безопасности на море • Портовое управление

Страна	Стратегия морской безопасности	Координационный комитет по морским вопросам	Структуры по обеспечению соблюдения морского законодательства	Действующие правоохранительные органы в морской сфере
Маврикий	Отсутствует	На стадии планирования (Индия предложила помощь в создании центра)	Национальный план действий в чрезвычайных ситуациях при разливе нефти (создан при помощи ИМО)	• Национальная береговая охрана (NCG)
Кения	В стадии разработки (разрабатывается Национальный реестр рисков морской безопасности, NMSRR)	Национальный комитет по морской безопасности (NMSCO)	Директорат по правоприменению и реагированию на чрезвычайные ситуации (DEER)	• Служба береговой охраны Кении (KCGS)
Южная Африка	В стадии разработки (при содействии Сообщества развития Юга Африки)	Координационный центр по морской безопасности (MSCC)	Южно-африканская поисково-спасательная организация (SASAR)	• Южно-африканское управление по безопасности на море (SAMSA) • Специализированная береговая охрана отсутствует

Несмотря на то что государства региона достигли значительных успехов в укреплении своей морской безопасности, их ограниченные ресурсы означают, что они по-прежнему будут зависеть от международных партнеров. В конце публикации автор представила рекомендации для Индии по усилению ее роли в качестве эффективного партнера в наращивании потенциала и расширении возможностей стран региона.

1. Учитывая сложный характер угроз в регионе, Индии следует помогать странам в разработке их собственных, адаптированных к местным условиям, профилей морских рисков. Этот процесс не должен быть навязанным; Индия должна выступать в роли фасилитатора, помогая партнерам создавать собственные, локально ориентированные системы оценки, как, например, Реестр рисков морской безопасности в Кении.

2. Индии необходимо выйти за рамки традиционного подхода, который ограничивается передачей оборудования и гидрографическими исследованиями. Требуется разработка более целенаправленных и стратегических планов с акцентом на «оперативную координацию» на море. Примером такого нового подхода является совместное заявление Индии и Кении BANARI.

3. Индия должна действовать по принципу «лидерство через пример». Создав у себя пост Национального координатора по морской безопасности (NMSC) для слаженной работы всех ведомств, Индии следует активно делиться этим институциональным опытом с партнерами, такими как Кения, которая уже формирует аналогичный комитет, и поощрять подобные реформы по всему региону.

4. Индия должна оказывать техническую и экспертную помощь странам в создании национальных центров обмена морской информацией (NMISC) по примеру своего успешного сотрудничества с Маврикием. Кроме того, необходимо обеспечить обязательное присутствие офицеров связи из всех стран региона в индийском Информационно-аналитическом центре (IFC-IOR) и помочь в стандартизации протоколов обмена данными и приобретении технологий для отслеживания судов, не выходящих на связь (dark vessels).

5. Помимо общих военно-морских учений странам региона требуется сфокусированная подготовка в области правоприменительной деятельности для эффективной борьбы с морской преступностью, особенно с незаконным рыболовством, под прикрытием которого часто действуют нарушители.

6. В регионе существуют серьезные юридические проблемы с судебным преследованием морских преступников, связанные со сбором доказательств и экстрадицией. Индия, принявшая в 2022 г. собственный закон о борьбе с пиратством, может поделиться опытом и содействовать странам западной части Индийского океана в укреплении их национального законодательства для обеспечения неотвратимости наказания.

Центр исследований Залива
(Gulf Research Center, GRC)

Лайла Али (Layla Ali), эксперт Центра по вопросам региональной безопасности, специализируется на проблематике внешней политики стран Персидского залива, их взаимоотношений с Ираном, АСЕАН и великими державами, а также внутренней организации ССАГПЗ.

21.07.2025. URL: <https://www.grc.net/single-commentary/289>

Теги: #ССАГПЗ #Иран #Безопасность #Региональная кооперация

Заметка в GRC написана через месяц после удара Ирана по американским объектам в странах Персидского залива и представляет собой анализ последствий и будущих стратегий Ирана и стран ССАГПЗ по отношению друг к другу. Эксперт спорит с превалирующей точкой зрения о том, что произошедшие события приведут к новому витку эскалации конфликта на Ближнем Востоке, равно как и разоблачает миф об американской протекции над арабскими монархиями. Автор указывает, что в конфликте Ирана и США страны ССАГПЗ тоже находятся в неопределенном положении и могут испытать серьезные потери от побочных эффектов конфликта, что делает их более склонными к региональной кооперации. Л. Али справедливо дает отрицательную оценку механизмам обеспечения региональной безопасности Персидского залива. Несмотря на то что в сравнительной перспективе ССАГПЗ является наиболее успешным примером региональной кооперации среди арабских стран, его система защиты и выработки коллективного ответа на внешние угрозы до сих пор развита недостаточно, что и подтверждается линией поведения стран Залива при недавней эскалации конфликта с Ираном. Однако выводы эксперта о будущей стратегии государств региона выдержаны в довольно абстрактной манере и иногда представляют собой идеальную картину развития событий, так как в реальности Иран с малой долей вероятности сможет выступить с гарантией безопасности стран Персидского залива.

Иранские атаки на американскую воздушную базу в Катаре в июне 2025 г. ознаменовали новую веху в истории взаимоотношений Ирана и ССАГПЗ. По мнению эксперта, нападение имело не столько материальное, сколько символическое значение, так как это был первый случай прямой агрессии Ирана на катарской территории.

Л. Али подчеркивает, что нынешний дипломатический климат между ССАГПЗ и Ираном, даже несмотря на произошедший вооруженный конфликт, намного более благоприятный, чем во время политической напряженности 2019–2020 гг. Работа по смягчению арабско-иранского взаимодействия, начатая с восстановления дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией в 2023 г. и продолженная встречей министров ССАГПЗ и Ирана в рамках 3-го саммита Диалога по сотрудничеству в Азии, обусловила ситуацию, в которой произошедший конфликт остался только на дипломатическом уровне без ответных действий со стороны стран Залива, ограничившихся строгими предупреждениями Тегерану.

Эксперт повторно обращает внимание, что сложившаяся ситуация в первую очередь угрожает странам Залива репутационным уроном: потеря имиджа «ареала экономической стабильности и предсказуемости» грозит для ССАГПЗ снижением инвестиционной привлекательности в глазах зарубежных игроков, сокращением объемов региональной торговли и общим снижением авторитета как экономического партнера на глобальном рынке. Региональная безопасность для стран Залива в данном случае – это показатель эффективности управления дипломатическими процессами и созданием устойчивых механизмов защиты, а значит, показатель способности региона к охране своей инфраструктуры, стабильному развитию и коллективному урегулированию, считает Али. По мнению автора, оба показателя для Залива неутешительны. Иранские атаки наглядно продемонстрировали проблемы по обеспечению в Персидском заливе четкой системы сдерживания, коммуникации и предотвращения кризиса, что в более глобальном контексте показывает отсутствие в регионе заслуживающего доверия многостороннего механизма обеспечения региональной безопасности, в рамках чего даже приложенные усилия по укреплению дипломатических процессов находятся под постоянной угрозой внезапной эскалации. Как дополнительно отмечает Али, прецедент 23 июня 2025 г. выявил угрозу превращения стран Залива в плацдарм противостояния Ирана и великих держав, что не совсем соответствует стратегическим задачам арабских стран в регионе.

Эксперт GRC делает вывод, что произошедшие события должны стать стимулом для активизации действий по региональной кооперации для стран Залива. Али подчеркивает, что кооперация должна проявляться не в военных мерах, а в развитии диалога, взаимоважания и достижении консенсуса национальных интересов. Далее автор предлагает следующие этапы по достижению указанной цели: признание серьезности событий 23 июня 2025 г. как первый шаг к построению дружественного диалога между Ираном и ССАГПЗ, после чего должно последовать подтверждение со стороны Ирана, что подобные инциденты независимо от его внешнеполитических целей в отношении стран Залива более не повторятся. Это, по мнению эксперта, должно привести к объединению усилий ССАГПЗ и Ирана и работе над совместной стратегией региональной безопасности и институционализацией процессов принятия решений в регионе. Вопрос защиты суверенитета Ирана, несмотря на внешние угрозы, не должен препятствовать работе по обеспечению коллективной безопасности, замечает Али, так как диалог между Ираном и ССАГПЗ является не выбором, а необходимостью для создания устойчивых механизмов защиты региона.

В заключение автор высказывает идею, что, несмотря на отсутствие новизны в угрозах региональной безопасности для Персидского залива, вооруженные столкновения, последовавшие сразу за дипломатическим процессом, показали всю хрупкость стратегии по построению стабильности, которой придерживался ССАГПЗ раньше. Али особо подчеркивает, что страны Персидского залива до сих пор рассматривают Иран как стратегического регионального партнера для долговременного сотрудничества и одну из основных заинтересованных в мирном процессе сторон. При этом, несмотря на склонность к усилению региональной кооперации в сфере безопасности, ССАГПЗ останется верным действующим оборонным союзом, а работа по созданию новых альянсов потребует продолжительных направленных усилий.

Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам»
(Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies, ACPSS)

Мухаммад Эзз аль-Араб (د. محمد عز العرب), глава отдела арабских и региональных исследований и ответственный редактор Арабского стратегического отчета указанного центра. Экс-редактор колонки «Стратегические исследования» в газете «Аль-Ахрам». Активный и международно признанный исследователь и публицист, специализируется на проблематике угроз безопасности, демократического транзита, национальной безопасности, конфликтов и структуры альянсов арабских стран, вопросах национальной идентичности, а также региональной роли Египта.

01.07.2025. URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/21437.aspx#>

Теги: #Турция #Сирия #Иран #Курды

В своем аналитическом отчете для центра «Аль-Ахрам» М.Э. аль-Араб выделяет 10 основных последствий падения режима Б. Асада, создавших благоприятные условия для усиления влияния Турции в регионе. К ним относятся среди прочего укрепление политической роли исламистских сил; возможность решения курдского вопроса; расширение военного присутствия Турции в Сирии на фоне снижения роли Ирана и США в регионе; возможность получить влияние над энергетическим, строительным и инфраструктурным секторами Сирии; снижение давления со стороны беженцев и террористических группировок. Автор не принимает какую-либо точку зрения, а рассматривает происходящие события в комплексе, находя как положительные, так и отрицательные факторы для каждой из стран. Эксперт не дает однозначного ответа, какие стратегические решения будут приняты странами в ближайшее время, а, наоборот, указывает на широту пространства для маневра у каждой из них. Большинство выводов автора имеет под собой четкие основания, особенно замечания о критическом снижении роли Ирана в регионе Восточного Средиземноморья. Однако анализ американской политики в отношении новой власти в Сирии оказался недальновидным: вопреки утверждениям эксперта, в июле 2025 г. США исключили правящую силу из списка террористических организаций, тем самым показав, что политическое присутствие США в Сирии не обязательно будет снижаться.

Изменения в политическом режиме Сирии из-за ее стратегического положения в регионе Леванта имели глубокое влияние как на политическую ситуацию в граничащих с ней странах, так и на общий баланс сил в регионе, формируя политическую картину, обратную той, которую формировал Б. Асад, находясь у власти. Главным же бенефициаром падения режима, по мнению эксперта, выступила Турция и в будущем она постарается использовать эти привилегии для укрепления в сферах своих интересов.

Одна из сфер – религиозная: эксперт напоминает, что Турция во многом поспособствовала приходу к власти в Сирии исламистских политических течений, на протяжении многих лет оказывая военную и логистическую поддержку суннитским джихадистским организациям. В свете утверждения этих сил у власти в Дамаске Турция получила возможность направлять внутреннюю политику Сирии. Автор не забывает и про стратегического союзника Анкары в поддержке исламистских сил – Катар. Используя призывы в защиту чаяний сирийского народа, Доха отказалась нормализовать отношения с правительством Асада даже после восстановления Сирии в составе Лиги арабских государств в 2023 г. и стала не только единственной страной Залива, открыто поддерживавшей сирийскую оппозицию, но и наиболее тесно связанным с новыми властями арабским государством.

Еще одна сфера – расширение военного присутствия Турции в Сирии. В феврале 2025 г. во время визита временного президента Ахмеда аш-Шараа в Турцию были подписаны тайные соглашения о размещении новых турецких военных баз на территории Центральной Сирии, что позволит Турции не только укрепиться в Восточном Средиземноморье, но и получить дополнительные преимущества в борьбе с курдами, предполагает автор. Курдский вопрос – один из самых важных в турецкой внутренней и внешней политике, а военизированные формирования сирийских курдов (Отряды народной самообороны, YPG), по мнению Анкары, являются прямым продолжением турецкой Рабочей партии Курдистана (РПК), сепаратистская вооруженная активность которой вкупе с поддержкой курдов американцами обуславливает повышенный интерес Турции к границе с Северной Сирией. Сотрудничество с переходным сирийским правительством отвечает турецким интересам интеграции сирийских курдов в общие государственные институты. При этом М.Э. аль-Араб отмечает, что положение курдов в регионе поменялось не только за счет падения режима Асада, но и по причине кооперации правительств Сирии и Ирака против курдов, изменения отношения к ним стран Запада и снижения поддержки со стороны Ирана в отношении РПК. Эти политические сдвиги обусловили заявление о роспуске РПК в мае этого года.

Остановившись подробнее на снижении роли Ирана в регионе, автор отмечает это как еще один положительный для Турции фактор. По выражению исследователя, Турция «унаследовала» построенную за долгие годы систему регионального влияния, которую Иран потерял со сменой сирийских элит. Теперь, в отсутствие Сирии как одного из союзников в борьбе с Израилем, а также проводника для сотрудничества с проиранскими группировками в Ливане, Иран может начать поиски союзников среди оппонентов нового режима для ослабления переходного правительства и возвращения своего влияния. С другой стороны, падение режима Асада дало Ирану повод прекратить военную поддержку проиранских группировок в Сирии и сосредоточиться на своих внутренних проблемах и противостоянии угрозам со стороны стран Запада.

Американское присутствие в Сирии тоже должно пойти на спад, так как администрация Д. Трампа не склонна идти на сближение с переходным сирийским правительством. Сирия вновь оказалась под санкциями США, а ключевая политическая сила находится в списке террористических организаций и, вероятнее всего, сдвигов в сторону сближения не последует, рассуждает эксперт. Если американский военный контингент полностью покинет северо-восток Сирии, это скажется как на положении курдов на этой территории, так и на общем усилении Турции в регионе.

Переходя к израильскому вопросу, аль-Араб приводит расхожее мнение о турецко-израильском договоре по разделению сирийских территорий. Вместе с тем он указывает, что с военным продвижением Израиля на юге Сирии и последующей демилитаризацией этой территории, а также поддержкой дружеской автономии военная обстановка в этом измерении все еще остается очень напряженной.

Эксперт напоминает, что одновременно Турция увеличивает военное присутствие в Ливии, Сомали и Катаре, претендуя на роль ведущей военной силы на Большом Ближнем Востоке.

Среди иных благоприятных для Турции сдвигов автор отмечает конец экономического, социального и политического давления на Анкару, вызванного массовым притоком сирийских беженцев после начала гражданской войны 2011 г. Как считает эксперт, отношение к беженцам со стороны ультраправых партий в Турции было довольно агрессивным и заметно влияло на электоральные результаты правящей Партии справедливости и развития. Смена режима позволит Турции организовать «возвращение на родину» для части беженцев и выслать их обратно в Сирию, оставив лишь небольшое количество для сохранения взаимоотношений по проблеме беженцев со странами ЕС.

Дополнительно автор указывает на такие позитивные последствия, как новые возможности для кооперации Турции с властями Сирии по борьбе с джихадистами, а также возможность участия в программах по реконструкции страны в силу географической близости Турции, ее технологической развитости и тесных отношений с переходным правительством. Это, в свою очередь, позволит Анкаре расширить деятельность своих компаний и повлиять на экономическую ситуацию у себя дома – получить финансовые выгоды и создать рабочие места, считает автор. Уже сейчас турецкая доля в строительных и инфраструктурных проектах в Сирии достигает 250–400 млн долл. и может вырасти вплоть до 1 млрд долл.

Эксперт не обходит стороной и потенциальное вмешательство в нефтегазовый сектор Сирии. Еще в декабре 2024 г. министром энергетики Турции А. Байрактаром было объявлено о намерении установить морскую границу с переходным правительством Сирии и начать проект сирийско-турецкого нефтепровода, который затем планируется интегрировать с турецко-иракским. Также высказан интерес к участию в проекте по восстановлению систем электрификации южного соседа. Это показывает стремление Турции раньше всех получить контроль над всей энергетической сферой Сирии, что снова отсылает к противостоянию с курдами, так как те контролируют большинство месторождений нефти на северо-востоке Сирии (Сувейдия, Рмелан, Эль-Омар).

В итоге автор еще раз подчеркивает, что Турция стала единственной страной, долговременная стратегия которой по отношению к Сирии оказалась столь выигрышной после падения режима Асада. В силу этого, по мнению эксперта, можно предположить, что в ближайшее время Анкара добьется масштабного экономического, политического и военного влияния в Сирии, а также станет основным медиатором между сирийским переходным правительством и другими государствами, что укрепит ее роль одного из крупнейших акторов на Ближнем Востоке.

Институт стратегии национальной безопасности
(Institute for National Security Strategy, INSS)

Ан Ёнчжун (안영준), исследователь из Объединенного военного университета (합동군사대학교)

01.07.2025. URL: https://www.inss.re.kr/en/publications/bbs/in_en_view.do?nttId=41037563&bbsId=in_en&page=1&searchCnd=1&searchWrd=

Теги: #Южная Корея #АТР #США #Япония #Индо-тихоокеанская стратегия

Развитие системы альянсов США в АТР в последнее время происходит все интенсивнее: США активно наращивают военное сотрудничество с РК и Японией для сдерживания Китая. Новым шагом к укреплению сотрудничества выступает появление у Токио Объединенного оперативного командования, что свидетельствует о его попытках постепенно изменить военную доктрину. Однако перспективы дальнейшего развития трехстороннего сотрудничества все еще вызывают много вопросов из-за непредсказуемой политики США, а также сложностей в отношениях между РК и Японией.

Ан Ёнчжун отмечает, что создание Японией Объединенного оперативного командования – это показатель того, что Токио постепенно переходит к новой политике безопасности, которая предусматривает «возможность контратаки», что в итоге может быть также истолковано для применения концепции «превентивного удара». Это подтверждается и высоким интересом США к укреплению военного сотрудничества с Японией для продвижения Индо-тихоокеанской стратегии США.

Автор обеспокоен тем, что Япония желает усилить военную роль Сил самообороны благодаря созданию новой командной структуры, что в перспективе приведет к более активному реагированию на вопросы региональной безопасности и укреплению сотрудничества с соответствующим командованием США. Последнее же будет способствовать быстрому принятию решений между двумя странами, постепенному расширению сотрудничества в таких сферах, как государственное управление, кибербезопасность, радиоэлектронная борьба.

Развитие военного сотрудничества США с Японией и Кореей в первую очередь, по мнению автора, нацелено на выстраивание эффективной системы альянсов и совместного военного командования для сдерживания Китая. Автор подчеркивает необходимость укрепления трехстороннего сотрудничества в области обороны и обмена информацией, а также совместных военных учений. По мнению автора, для альянса Япония – США главной угрозой является КНР, что расходится с главной целью альянса РК – США – сдерживанием КНДР. Автор отмечает, что это различие может стать камнем преткновения в дальнейшем сотрудничестве между странами в будущем.

Ан Ёнчжун предполагает, что со временем США будут все больше и больше оказывать давление на Южную Корею, для того чтобы расширить роль американо-корейского альянса за пределы Корейского полуострова и нацелить его на сдерживание Китая. В качестве ответной меры автор предлагает укреплять доверие с США, чтобы различие в стратегических целях не было воспринято как отказ от альянса в целом. Кроме того, автор считает необходимым трехстороннее сотрудничество в области обороны в формате ведения совместных разработок, исследований и кооперации в оборонной промышленности.

Ключевой задачей, по мнению автора, является развитие собственного оборонного и военного потенциала РК, для того чтобы иметь возможность самостоятельно дать отпор Северной Корее, не полагаясь на помощь союзников, а также укрепление стратегической автономии Южной Кореи в альянсе, основанной между тем на сотрудничестве. По мнению автора, очень важно не дать США и Японии перехватить инициативу в командовании силами на Корейском полуострове и сохранить «свободу рук» в принятии стратегических решений. Кроме того, автор отмечает, что Сеул должен четко ограничить свое военное участие в ситуации на Тайване из-за рисков вмешательства КНДР и России в конфликт. Помощь союзникам возможна в виде ограниченного содействия при условии, что РК будет выполнять функции материально-технического обеспечения и невоенной поддержки.

Китай

Культурный фактор в рассуждениях Си Цзиньпина о сильной армии

(深刻领悟习近平强军思想的文化魅力)

Китайская военная сеть
(中国军网)

Чэнь Сян (陈翔) и **Чжоу Цзюньцзе** (周俊杰), специальные корреспонденты, аналитики Китайской военной сети

29.07.2025. URL: http://www.81.cn/II_208543/jdt_208544/16399298.html

Теги: #Китай #Обучение #Командование и контроль

Материал, опубликованный на официальном портале Народно-освободительной армии Китая (НОАК), представляет собой детально проработанный анализ тезисов Си Цзиньпина о культурном измерении сильной армии. Выход публикации на данном сайте усиливает ее институциональное значение: она адресована не только экспертному сообществу, но и офицерскому корпусу, призвана закрепить методологические и ценностные ориентиры военного строительства в преддверии заключительной фазы 14-й пятилетки. Этот момент выбран не случайно – Пекин находится на этапе, когда необходимо зафиксировать стратегические приоритеты и мобилизовать ресурсы для ускоренного завершения поставленных целей по модернизации НОАК к политическим и юбилейным рубежам (в том числе к 100-летию армии в 2027 г.). В условиях усиливающегося геополитического соперничества подобные тексты выполняют сразу несколько функций: идеологическую консолидацию, культурную легитимацию военной программы и формирование нужного нарратива.

Вся представленная в материале информация – от апелляции к «красному гену» и традиционной военной культуре до внедрения новейших технологических трендов в работу армии – представляет собой тщательно выстроенный идеологический каркас для долгосрочной программы превращения НОАК в «вооруженные силы мирового класса». Си Цзиньпин, опираясь на исторические и культурные архетипы, интегрирует военное строительство в общий проект «великого возрождения китайской нации», где военная мощь рассматривается как ключевой атрибут великодержавного статуса. За риторикой о «сдерживании войны во имя мира» (止戈为武) и международной кооперации скрывается прагматичная цель – закрепить КНР среди немногих государств, способных не просто защищать собственные интересы в глобальном масштабе, но и формировать правила игры в сфере безопасности, задавая нормативную и культурную рамки для будущего мирового порядка.

Тезисы Си Цзиньпина о сильной армии – это военно-стратегический раздел концепции социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Он выстраивает целостную теоретическую систему строительства обороны и армии, соединяя марксистские принципы с практикой Народно-освободительной армии и традиционной военной культурой. Концепция ориентирована на будущее, учитывает изменения в технологиях, войне и международных соперниках, уделяя внимание теоретическим исследованиям, инновационному проектированию, практическому внедрению и созданию современной военной теории с китайской спецификой.

Культурная ценность концепции заключается в интеграции традиционной, революционной и социалистической передовой культуры в военной сфере. Это обеспечивает духовную основу китайскому пути укрепления армии и вносит вклад в глобальное управление в области военной безопасности.

На уровне традиционной культуры концепция опирается на историческое наследие китайской цивилизации, включающее философию выживания, моральные принципы, стратегические установки. Си Цзиньпин активно заимствует из традиционной военной мысли идеи «заблаговременной готовности» (居安思危), «единства под небом» (天下一统), «стратегического наступления» (经略进取), «верности и служения государству» (精忠报国). Эти установки увязаны с представлениями китайского народа о мире, обществе и войне.

На уровне революционной культуры концепция наследует и развивает «красные» (红色) традиции, созданные в ходе борьбы за независимость и социалистическое строительство. В ней закреплены установки об уважении и подражании героям, о «передаче красного гена» новым поколениям военных, о сохранении боевого духа и нравственной чистоты армии.

На уровне социалистической культуры мысль Си Цзиньпина о сильной армии является результатом соединения марксистских основ с реалиями современной китайской военной практики. Она раскрывает закономерности строительства армии, военной подготовки и ведения войны, отвечает на ключевые вопросы укрепления боеспособности и достижения победы. Концепция включает открытый и инклюзивный подход: заимствование лучших мировых военных достижений, учет новых военных революций, адаптацию передовых идей в стратегическом планировании, военных реформах и боевой подготовке.

Важное направление – творческое развитие теоретической базы партии в военной сфере. Концепция Си Цзиньпина выводит военное руководство на новый этап, соединяя марксистскую основу и традиционную культуру, отвечая на вызовы времени и формируя основу для построения армии мирового класса.

Реализуется программа «передачи красного гена» (红色基因代代传): активное использование исторических и культурных ресурсов армии, углубление образования в области истории партии и армии, сохранение неизменных характеристик и традиций НОАК – ее народного характера, революционного духа и готовности к лишениям.

В концепции особое место занимает развитие военной «интеллектуализации» (智能化). С учетом глобальной технологической конкуренции делается ставка на интеграцию механизации, информатизации и интеллектуализации, разработку концепций ведения гибридной или информационно-интеллектуальной войны и развитие вооружений нового поколения.

Важен и культурный компонент строительства армии: развитие «культуры сильной армии», формирование героического духа, боевого характера, патриотизма и готовности к подвигу. Это направление институционализировано в «Плане по развитию культуры сильной армии» (繁荣发展强军文化实施纲要) Центрального военного совета КНР 2024 г.

Поддерживается международное военное сотрудничество и культурный обмен – от проведения Всемирных военных игр до расширения двусторонних и многосторонних контактов, совместных учений и обучения. Это используется для укрепления доверия, расширения кооперации и продвижения идеи сообщества единой судьбы человечества.

На практике концепция служит основой укрепления политической верности армии, повышает ее модернизацию и боеспособность, позволяет соединить развитие вооруженных сил с задачами всестороннего национального возрождения.

Она также способствует созданию военной составляющей «новой формы человеческой цивилизации», в которой китайская армия позиционируется как сила, сочетающая мощь, цивилизованность и ориентацию на мир, а традиционные концепции вроде 止戈为武 (дословно «останавливать копья ради истинного воинства» или в более свободном переводе «сдерживать войну во имя мира») и 以义诛不义 (дословно «казнить неправедных во имя праведности» или «наказывать несправедливое во имя справедливого») вплетаются в стратегию XXI в.

Как убийства и виртуальный нарратив меняют облик войны (How Assassinations and the Virtual Narrative Are Changing the Shape of Warfare)

Национальный морской фонд
(National Maritime Foundation, NMF)

Амит Гупта (Amit Gupta), старший научный сотрудник Национального института исследований в области сдерживания

25.07.2025. URL: <https://maritimeindia.org/how-assassinations-and-the-virtual-narrative-are-changing-the-shape-of-warfare/>

Теги: #Точечные поражения целей #Информационная война
#Война нарративов #Стратегия #Израиль #Индия #Пакистан #СМИ
#Пропаганда #Международное право

В данной статье представлен интересный анализ, раскрывающий две ключевые трансформации современной войны: роль точечных операций в военном деле и отражение военных действий в информационном нарративе. С одной стороны, автор убедительно предостерегает от слепого копирования «израильской модели» точечных убийств, демонстрируя ее риски, зависимость от асимметрии сил и политического контекста, который недоступен для большинства стран, включая Индию. С другой – и это является ключевым выводом для анализа – он показывает, что любой силовой акции теперь неразрывно сопутствует «война нарративов» в децентрализованной медиасреде. Статья отражает важную дискуссию внутри стратегических сообществ о поиске адекватного ответа на гибридные вызовы. В качестве вывода из публикации можно выделить следующий тезис: в современной войне стратегическое преимущество получает не тот, кто более агрессивен, а тот, кто способен сочетать силовую сдержанность с мастерством ведения информационной политики, понимая, что битва за восприятие стала таким же решающим фронтом, как и поле боя.

Сдвиг в военном деле: точечные поражения целей

Автор начинает с обзора исторического применения убийств, отмечая, что это не новое явление. В качестве примеров он приводит успешную ликвидацию американцами адмирала И. Ямамото во время Второй мировой войны, что послужило поднятию боевого духа, но не приблизило победу; многочисленные операции эпохи холодной войны, включая планы ЦРУ по устранению Ф. Кастро; а также недавние случаи, такие как убийство журналиста Д. Хашогги Саудовской Аравией и иранского генерала К. Сулеймани по приказу Д. Трампа. По мнению автора, конфликты на Украине и в Газе вывели эту практику на новый уровень, где целенаправленное уничтожение командного состава стало системной тактикой.

Особое внимание уделяется действиям Израиля, который активно применяет убийства против руководства ХАМАС и «Хезболлы». Автор приводит в пример массированный удар (сообщается о 86 бомбах) по штабу «Хезболлы», в результате которого погиб ее лидер Х. Насралла, а также предшествующую атаку с использованием взрывающихся пейджеров. Однако автор предостерегает от того, чтобы считать этот опыт универсальным. Он подчеркивает, что успех Израиля обусловлен его подавляющим военным превосходством над негосударственными акторами, у которых нет ни авиации, ни систем ПВО. Попытка применить аналогичную тактику против полноценного государственного противника была бы несоизмеримо сложнее и рискованнее. Более того, ответные удары Ирана по Израилю продемонстрировали уязвимость даже самых передовых систем обороны и заставили Израиль положиться на военную помощь США и Великобритании.

Автор указывает на лицемерие «международного порядка, основанного на правилах», в рамках которого Запад применяет двойные стандарты. Действия Израиля, даже с нарушением суверенитета других стран (например, использование австралийских паспортов для убийства в ОАЭ), не влекут серьезных последствий, в то время как аналогичные действия со стороны других государств, таких как Иран, клеймятся как терроризм. Исходя из этого, автор делает вывод, что Индии не следует копировать израильскую модель. Это противоречит индийскому военному этосу, который традиционно избегает ударов по гражданским целям, а также делает страну более уязвимой для ответных асимметричных атак на ее «мягкое подбрюшье». Кроме того, Запад не предоставит Индии такой же политический карт-бланш, как Израилю. Поэтому лучшей стратегией для Нью-Дели является сохранение приверженности международному праву, что обеспечивает ей «моральное превосходство».

Война в TikTok

Вторая часть статьи посвящена революции в медиасфере, где государственная и корпоративная монополия на информацию была разрушена. Автор прослеживает эволюцию от доминирования западных государственных вещателей в эпоху холодной войны и глобальных новостных сетей после нее до появления мощных негосударственных альтернатив. Окончательный удар по монополии нанесли социальные сети (TikTok, Telegram, YouTube) и независимые онлайн-издания (The Intercept, The Daily Beast), которые стали основными источниками информации для молодого поколения.

Автор утверждает, что ведущие западные СМИ утратили доверие из-за своей предвзятости и зачастую действуют как проводники внешнеполитических интересов своих правительств. В качестве доказательства он приводит несколько примеров: соучастие The New York Times и The Washington Post в создании ложного предлога для вторжения в Ирак в 2003 г.; системное смещение акцентов в пользу Израиля при освещении конфликта в Газе, как показал анализ The Intercept; и распространение недостоверной информации, такой как фейк о «40 обезглавленных младенцах», который был развенчан газетой Le Monde. Аналогичная предвзятость, по мнению автора, наблюдалась и в освещении украинского конфликта, где успехи ВСУ преувеличивались, а потери занижались.

На примере недавнего индо-пакистанского конфликта автор формулирует конкретные уроки для Индии. Он отмечает, что чрезмерный «ура-патриотизм» в индийских СМИ вызвал отторжение у собственного населения, а Пакистан на начальном этапе оказался более эффективным в информационной войне, распространив дезинформацию о сбитых индийских самолетах. Из этого следует ряд рекомендаций. Во-первых, лучшей стратегией является максимальная правдивость и взвешенность официальных заявлений. Во-вторых, необходимо создать эффективную и быструю систему реагирования на фейки, отказавшись от «неуклюжей и скрытной викторианской бюрократии». В-третьих, следует привлекать к ведению информационных войн гражданских профессионалов – журналистов и специалистов по рекламе. Наконец, необходимо целенаправленно работать с зарубежной прессой, предоставляя доступ и не боясь трудных вопросов, поскольку это повышает авторитет страны.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Китай

«Гонка, в которой нужно победить»: всесторонний анализ плана действий США в области искусственного интеллекта

(“势在必得的竞争”：《美国AI行动计划》全局解析)

Фуданьский институт развития
(复旦发展研究院, FDDI)

Ли Яци (李亚琦), младший научный сотрудник

Яо Сюй (姚旭), младший научный сотрудник, член Молодежной исследовательской базы по принятию решений и консультированию при Шанхайском муниципальном правительстве, почетный научный сотрудник Шанхайского института исследований данных, директор Шанхайской ассоциации цифровой торговли и научный сотрудник Центра европейских исследований Фуданьского университета. Его исследования сосредоточены на управлении и промышленном развитии глобального искусственного интеллекта, технологий обработки данных и цифровых платформ.

29.07.2025. URL: <https://fddi.fudan.edu.cn/56/52/c21253a742994/page.htm>

Теги: #США #ИИ #Технологии

Статья экспертов из Фуданьского института развития, написанная сразу после выхода нового американского Плана действий в области искусственного интеллекта (ИИ), позволяет оценить те положения американской стратегии, которые больше всего волнуют исследователей из КНР. Очевидным образом стратегия США направлена на улучшение своих позиций в конкуренции с Китаем, поэтому эксперты делают акцент на фундаментальном сдвиге в парадигме США. Новая стратегия включает положения о соответствии ИИ этическим нормам и ценностям и определяет данную сферу основным полем межгосударственной конкуренции. Представляется интересным частичное признание американцами неэффективности новых возобновляемых источников энергии в условиях высокого уровня потребностей центров обработки данных (ЦОД) и возвращение к традиционным источникам энергии. Авторы выдвигают идею, что новая политика США в области экспортного контроля – это «план Маршалла» цифровой эпохи, так как это позволяет сформировать комплексную зависимость стран-партнеров от США, обеспечив им лидерство в установлении международных стандартов в глобальной экосистеме ИИ. Достоинно внимания положение о том, что технологическая конкуренция в сфере ИИ – это «космическая гонка XXI в.», которая определит облик международного взаимодействия в будущем.

Технологии ИИ стали одним из основных направлений американо-китайской конкуренции, поэтому исследователи из Фуданьского института развития по горячим следам разбирают новый стратегический документ США. 23 июля 2025 г. администрация Д. Трампа приняла План действий в области ИИ. Он основывается на трех столпах, подкрепленных сроками и четко обозначенными количественными показателями, среди которых «ускорение инноваций», «создание ИИ-инфраструктуры» и «лидерство в международной дипломатии и безопасности в области ИИ».

Авторы отмечают, что новый план – это не корректировка курса, а радикальное изменение парадигмы. Он выводит конкуренцию в сфере ИИ на стратегический уровень, критически важный для выживания и будущего страны. Помимо этого впервые особое внимание уделяется внутренним культурным аспектам в основе национальной технологической стратегии.

Первый столп («ускорение инноваций») направлен на ускорение инноваций путем максимального устранения нормативных барьеров и обеспечения соответствия направлений развития и результатов деятельности ценностям и политической повестке дня в США. Наиболее важным нововведением в рамках данного направления является регулирование закупок технологических решений в сфере ИИ после проверки на соответствие идеологическим ценностям. Авторы отмечают, что фактически данный пункт позволяет использовать власть федерального правительства для беспрецедентной идеологической проверки и калибровки ИИ моделей. Это может в определенной мере ограничить возможности компаний, которые опирались на принципы открытых инноваций.

Второй столп («создание ИИ-инфраструктуры») подразумевает развитие инфраструктуры для развития ИИ, включая дата-центры, производство микропроцессоров и объектов энергосети. Принципиально важным является признание необходимости предотвращения преждевременного вывода из эксплуатации критически важных источников энергии, так как признается необходимость в обеспечении ЦОД энергией. Помимо этого стоит обратить внимание на задачу по формированию «вычислительного пояса», создавая условия для развития компаний, включая доступную электроэнергию, налоговые льготы и привлечение инвестиций в штаты Среднего Запада. В рамках данного столпа США переосмысливают гонку ИИ, определяя ее как традиционную отраслевую конкуренцию, протекающую в физическом пространстве и выходящую за рамки Кремниевой долины.

Третий столп («лидерство в международной дипломатии и безопасности в области ИИ») направлен на преобразование временного лидерства США в области ИИ в устойчивое геополитическое влияние. США ставят целью создание международного технологического альянса, основанного на соответствующих ценностях и интересах, посредством доминирования в глобальной экосистеме технологий ИИ и связанных с ними стандартов. Основным инструментом для контроля над глобальной экосистемой будет экспортный контроль. Авторы считают, что со стратегической точки зрения политику США по регулированию технологического экспорта можно считать «планом Маршалла» цифровой эпохи. Данный подход, подразумевающий комплексный пакет технологической помощи и бизнес-решений, направлен на интеграцию стран-партнеров в американоцентричную технологическую, экономическую и информационную систему. Это позволит США сформировать новые отношения зависимости и усилить тенденцию на однополярное формирование международных стандартов.

В конечном итоге авторы отмечают, что план ускоряет разделение глобального технологического ландшафта на конкурирующие технологические сферы, где лидерами выступают США и КНР. Они характеризуются расхождениями в стандартах, правилах и ценностях. В этих условиях транснациональные корпорации сталкиваются с разрозненностью требований регуляторов, а страны пытаются найти баланс между технологической зависимостью и стратегической автономией. В итоге, по мнению авторов, победителем «космической гонки XXI в.» может стать не тот, кто обладает самыми развитыми технологиями или современными вычислительными мощностями, а тот, кто сможет найти баланс между управлением инновациями, безопасностью, ценностями и глобальным сотрудничеством.

Иностранные армии ускоряют трансформацию боевых систем через интеграцию интеллектуальных технологий

(外军加速智能赋能作战力量体系)

Китайская военная сеть
(中国军网)**Лю Хайцзян (刘海江) и Дай Ли (戴莉)**, эксперты в области военного ИИ29.07.2025. URL: http://www.81.cn/szb_223187/szbxq/index.html?paperName=jfjb&paperDate=2025-07-29&paperNumber=07&articleid=960141**Теги:** #США #Китай #ИИ #Военные технологии #Интеллектуализация
#Боевые системы

Военные эксперты КНР называют искусственный интеллект (ИИ) стратегическим инструментом трансформации форм войны из традиционных в новые при исследовании интеграции моделей smart+ и +smart в боевые системы, что коренным образом меняет логику ведения боевых действий и становится решающим фактором будущего военного превосходства. Ведущие военно-технологические державы – США, Великобритания, Китай и их союзники – рассматривают ИИ в качестве главного приоритета, что знаменует выпуск новых стратегических документов по разработке инноваций и их управлению. В условиях эскалации гибридного противостояния и перехода к интеллектуализации армии государства рассматривают многодоменные операции, включающие все «среды», как базовую форму войны, которая требует сетецентрического подхода и развитых нейроинтерфейсов для обеспечения быстрого взаимодействия между человеком и машиной. В ближайшие годы реализация IT-лидерами своих программ воплотит в жизнь массовое развертывание распределенных вычислительных узлов «хаб + кластер», самоорганизующихся сетей беспилотных платформ (MANET/MIMO) и масштабируемых больших военных моделей, которые с помощью машинного обучения будут в реальном времени прогнозировать обстановку и оптимизировать решение командиров, снижая время реакции с нескольких часов до нескольких минут. Для Китая и его союзников это означает, что отставание в ключевых технологиях передачи данных, алгоритмической поддержке и кибербезопасности неизбежно приведет к утрате национальной безопасности, снижению эффективности многодоменных операций и усилению уязвимости перед асимметричными атаками с применением ИИ-управляемых систем.

Данная работа китайских военных экспертов начинается со слов о роли ИИ в качестве стратегической технологии, которая, во-первых, принципиально значима для нового витка научно-технического прогресса и трансформации промышленности и, во-вторых, способна кардинально изменить жизнь человечества. Авторы актуализируют активное внедрение в боевые системы интеллектуальных технологий (smart+ и +smart), за счет чего мировые державы пытаются достичь военного превосходства и модернизации армии.

Интеллектуальное подкрепление, согласно авторской позиции, отвечает требованиям современного мира: технологические державы рассматривают этот процесс как ключ к победе в гибридном противостоянии, что заставляет их увеличивать собственный потенциал в инновационной сфере. Успешные разработки в области ИИ – наивысший приоритет для иностранных армий, от которого будет зависеть исход будущих войн. Изучив стратегические документы Соединенных Штатов с 2018 г., эксперты из Китая насчитали более 20 американских программ, посвященных углублению применения ИИ в оборонной сфере. Так началась гонка вооружений между странами, которые сосредоточились на развитии ИИ, робототехники и автономных технологий для возможности проводить многодоменные операции, то есть одновременные и скоординированные боевые действия во всех доступных «средах»: на суше, море, в воздухе, космосе, киберпространстве. Министерство обороны США одним из первых заявило о принятии на национальном уровне концепции Объединенного комбинированного управления и контроля (Joint All-Domain Command and Control), в основе которой находится описываемая идея создания автоматизированной системы боевого управления.

Совершенствование боевых систем находится на перекрестке множества дисциплин и нуждается в поддержке из разных измерений и уровней – в первую очередь в инженерах, чтобы добиться преимущества алгоритмов, мощности вычислений и качества данных, образующих новый «треугольник победы». Авторы выделяют следующие подходы к интеллектуализации боевых систем.

1. Модель +smart применяется во встраивании интеллектуальных технологий в обычные боевые единицы с той целью, чтобы произвести быстрое обновление традиционных платформ, сохраняя при этом низкий уровень финансовых затрат. Например, сюда относится интеграция модуля периферийных вычислений и мультиспектральных сенсоров в систему управления огнем боевой машины пехоты для распознавания замаскированных целей на дальних дистанциях, а также использование ИИ для расчета наиболее оптимальных стратегий (выигрышные позиции боевых частей из людей и дронов и дальнейшие сценарии событий).

2. Модель smart+ закладывает в основу развертывание сетецентрического подхода. Система работает на базе сетей, где устройства и алгоритмы объединяются воедино для быстрого поиска и вместе с этим уничтожения цели (такой процесс получил название kill chain – «убийственная цепочка»). Smart+ предполагает междоменное взаимодействие беспилотных «роев» и сенсоров и нейроинтерфейсы для более глубокого прямого взаимодействия между человеком и машиной. В рамках совместных учений Autonomous Warrior 2024 г. США, Великобритания и Австралия протестировали работу единой боевой сети, объединив 30 типов беспилотников и подводные сенсоры для быстрого поражения целей в морской обстановке.

3. Системное усиление ИИ. Улучшение алгоритмов и накопление данных делает ИИ ключевым помощником в принятии решений и даже защите, для чего армии других стран исследуют области квантового шифрования и блокчейна. Суперкомпьютеры и продвинутые алгоритмы становятся принципиально значимыми для прогнозирования поля боя, так как их скорость обработки и анализа больших объемов данных в реальном времени позволяет как моментально реагировать на изменения обстановки, так и опережать их, формируя упреждающие сценарии.

Эксперты выделили ключевые опоры интеллектуального усиления боевых систем, среди которых важнейшим элементом стало преобразование технологий в особый комплекс по формуле «технологии + сеть + данные». В связи с этим передача данных, являющаяся ядром всей этой системы, должна осуществляться быстро, надежно и безопасно. Иностранные армии заинтересованы в построении устойчивых к сбоям и атакам каналов связи, использовании периферийных вычислений (обработка данных в самом устройстве, а не через удаленный сервер), развитии защищенных сетей и интеграции гражданских и военных каналов связи для гибкости. Соединенные Штаты разрабатывают систему Unified Network для скоординированной работы всех сетей к 2028 г. для многодоменных операций, а Минобороны Великобритании в рамках программы Cloud Strategic Roadmap for Defence принимает меры по оптимизации центров обработки данных, разработке услуг расширяющегося защищенного облака для содействия обмену данными.

Проанализировав современные зарубежные подходы к интеллектуализации боевых систем, авторы подводят итог и сосредотачиваются на конкретных ключевых технологиях, обладание которыми может помочь преодолеть существующие ограничения. Для обеспечения безопасности необходимо разрабатывать инновационные методы интеграции разнородных компонентов боевых систем посредством гибких и быстро перенастраиваемых сетевых структур, внедрять стандартизированные интерфейсы и универсальные каналы связи. Одновременно следует применять передовые технологии обработки данных и ИИ для извлечения релевантной информации с поля боя, обеспечения ее очистки и анализа в реальном времени. Авторы нашли воплощение подобной авангардной системы в арсенале ВМС США, создавших в 2024 г. сетевое устройство MPU5, которое позволяет беспилотным кораблям самостоятельно формировать сеть и обмениваться данными без централизованного управления, что выводит боевые действия на совершенно новый уровень.

Китай

Комментарий к реализации решений Политбюро ЦК КПК в контексте успешного завершения 14-й пятилетки

(贯彻落实中央政治局会议精神实现 “十四五” 圆满收官述评之四)

Китайская военная сеть
(中国军网)

Цзоу Довэй (邹多为), У Маохуэй (吴茂辉) и Пань Дэсинь (潘德鑫), специальные корреспонденты, аналитики Китайской военной сети

04.07.2025. URL: http://www.81.cn/yw_208727/16400647.html

Теги: #Китай #Обеспечение #Экономика

Публикация на официальном портале НОАК отражает ключевую установку Пекина на то, что завершение 14-й пятилетки должно стать демонстрацией способности Китая выдерживать внешнее давление при сохранении курса на глубокую интеграцию в мировую экономику. Это особенно актуально на фоне торговой войны КНР с США и угроз введения вторичных санкций для ключевых партнеров России, в числе которых Китай находится на первом месте (как минимум как главный импортер российских энергоносителей). Высокий уровень детализации мер по поддержке бизнеса, улучшению инвестиционного климата и институционализации открытых платформ показывает, что внешнеэкономическая политика КНР становится более целостной, направленной на создание устойчивых механизмов долгосрочного привлечения капитала, технологий и рынков. При этом очевиден и компонент безопасности: в логике «всеобъемлющей концепции национальной безопасности» Си Цзиньпина экономика занимает одно из центральных мест, а контроль над ключевыми звеньями глобальных цепочек поставок рассматривается как стратегический ресурс для предотвращения внешнего давления (включая сдерживание США) и снижения уязвимости страны в случае потенциального военного конфликта вокруг Тайваня в будущем. Таким образом, это не просто экономический план, а часть комплексной великодержавной стратегии, в которой внешняя открытость, сопряженная с институциональной и технологической автономией, становится инструментом укрепления политического веса и обеспечения устойчивости в мировой системе.

Внешняя открытость рассматривается как системообразующий фактор экономического и социального развития Китая. На недавнем заседании Политбюро ЦК КПК была поставлена задача расширять высокоуровневую открытость, сохраняя стабильность внешней торговли и притока иностранных инвестиций. В условиях усложняющейся международной среды выполнение этой задачи требует координации политики, улучшения делового климата и максимального использования открытых платформ для укрепления конкурентных преимуществ Китая в международной экономике.

Усиление поддержки предприятий становится ключевым элементом. Примером служит активный выход на европейский рынок техники Xuzhou Construction Machinery Group Co., Ltd., включая поставки электрических погрузчиков, что отражает растущий экспорт машиностроительной продукции из провинции Цзянсу. По данным Нанкинской таможни, в первой половине этого года Цзянсу экспортировала строительной техники, включая краны и экскаваторы, на сумму 43,17 млрд юаней, что на 17,9% больше, чем годом ранее.

Для упрощения внешнеторговых операций Нанкинская таможня внедряет механизмы типа АЕО¹ и «прямая загрузка в порту» (抵港直装)², сокращая издержки и время логистики. На фоне тарифных барьеров и нарушений международных торговых правил правительство намерено через финансирование, интеграцию внутренней и внешней торговли, а также развитие новых конкурентоспособных отраслей поддерживать экспортеров, снижая их уязвимость к внешним шокам.

Реализация мер требует точечного, скоординированного и постоянного воздействия. Продвигаются экспериментальные зоны для трансграничной электронной коммерции, реформы в зонах экономического развития, улучшение инфраструктуры портов. Индекс деловой уверенности экспортеров и импортеров растет два месяца подряд, что указывает на эффект от принятых мер.

¹ Authorised Economic Operator (АЕО) – в китайском контексте это статус, присваиваемый таможенными органами компаниям, которые соответствуют международным стандартам надежности, соблюдают таможенные правила, обеспечивают безопасность цепочек поставок и ведут прозрачную финансовую деятельность. Такой статус дает предприятиям целый ряд преимуществ: сниженные ставки проверок грузов, упрощенные таможенные процедуры, сокращение времени оформления и – в некоторых случаях – признание этого статуса в других странах в рамках двусторонних или многосторонних соглашений.

² Прямая погрузка в порту (抵港直装) – это упрощенная таможенная процедура, при которой груз, прибывающий в порт, минуя промежуточные склады и загружается напрямую на судно для отправки за границу.

Улучшение делового климата рассматривается как условие расширения устойчивого развития. В Пекине прошла 3-я Китайская международная выставка по продвижению цепочек поставок, где было подписано свыше 6 тыс. соглашений и намерений о сотрудничестве, а крупные международные компании подтвердили участие в следующем году.

Политбюро ЦК КПК призвало продолжать сокращать отрицательные списки для иностранного капитала, устранять барьеры для входа в промышленность и услуги, регулировать деятельность по привлечению инвестиций, а также реализовывать закон о поддержке частного сектора. В первой половине 2025 г. создано свыше 30 тыс. предприятий с иностранным капиталом (+11,7%), число внешнеторговых компаний превысило 600 тыс., причем 54,7 тыс. из них – это частные предприятия.

Платформенный фактор открытости получает дополнительный импульс с запуском 18 декабря 2025 г. полного таможенного цикла на острове Хайнань в рамках строительства Свободного торгового порта. Предусмотрены «нулевые тарифы» (零关税), либерализация торговли, упрощение перемещений и более точное регулирование. С 2013 г. создано 22 пилотные свободные торговые зоны, а наработанные 379 реформенных инициатив распространены по стране. Эти структуры способствуют переходу от товарно-факторной открытости к институциональной с упором на правила, стандарты и регулятивные механизмы.

По логике Пекина расширение и углубление платформ открытости – это одновременно внутренний инструмент ускорения реформ и внешний сигнал о готовности интегрироваться в глобальные цепочки стоимости. Развитие таких платформ не только поддерживает формирование нового архитектурного уклада развития КНР, но и добавляет импульс мировой экономике.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ

США

Ось возмущения: оценка растущего военного сотрудничества между Россией, Китаем, Ираном и Северной Кореей

(The axis of upheaval: Gauging the Growing Military Cooperation Among Russia, China, Iran, and North Korea)

Центр новой американской безопасности
(Center for a New American Security, CNAS)

Андреа Кендалл-Тейлор (Andrea Kendall-Taylor), старший научный сотрудник и директор Программы трансатлантической безопасности в CNAS. Исследует проблемы национальной безопасности, с которыми сталкиваются США и Европа, уделяя особое внимание России и трансатлантическому партнерству. С 2015 по 2018 г. занимала должность заместителя офицера национальной разведки по России и Евразии в Национальном совете по разведке.

Николас Локкер (Nicholas Lokker), научный сотрудник Программы трансатлантической безопасности CNAS. Занимается стратегией НАТО в отношении России, европейской интеграцией, российской внешней политикой, а также работой международных институтов в сфере безопасности.

28.07.2025. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/the-axis-of-upheaval>

Теги: #США #Россия #Китай #Иран #Северная Корея

В новом докладе CNAS А. Кендалл-Тейлор и Н. Локкер рассматривают основные направления военно-технического сотрудничества и славивания войск России, Китая, Ирана и Северной Кореи. В частности, рассматриваются меры по предоставлению военных технологий, накопленных знаний и опыта в сфере боевых действий, особенно вокруг ситуации на Украине. Рассматривая как возможные драйверы, так и препятствия для подобной кооперации, аналитики выдвигают тезис о якобы формировании «оси возмущения» – неформальной коалиции, которая будет оказывать взаимную поддержку в ключевых конфликтах, истощая ресурсы Запада. Они приходят к выводу, что возможное начало сразу нескольких кризисов с участием этой «оси» может изнурить силы США, в связи с чем аналитики призвали администрацию Д. Трампа оказывать совместное давление как на Россию, так и на Китай в вопросах Украины и Тайваня.

Свежий доклад Центра новой американской безопасности (CNAS), близкого к демократической партии США и администрации бывшего президента Дж. Байдена, анализирует последние тенденции в военной кооперации России, Китая, Ирана и Северной Кореи. Ключевым тезисом является идея о якобы формировании «оси возмущения» – негласного военного блока четырех государств, которые все активнее делятся военным опытом, технологиями, знаниями, экономической и дипломатической поддержкой в региональных конфликтах.

С точки зрения авторов, начало конфликта на Украине и усиление давления со стороны стран НАТО дали импульс к сотрудничеству между Россией, Китаем, Ираном и Северной Кореей. В частности, по мнению авторов материала, российская сторона якобы получила значительную военную поддержку в лице беспилотных летательных аппаратов, артиллерийских снарядов, а также помощь в наращивании собственных военно-промышленных мощностей (особая роль здесь уделяется Китаю). Предполагается, что такая поддержка позволила заметно упрочить позиции в украинском кризисе.

Кроме того, А. Кендалл-Тейлор и Н. Локкер пишут об ускорившейся кооперации на уровне военных технологий. Они утверждают, что инициатором такого направления сотрудничества выступила российская сторона, начав предоставлять современные технологии, а также делиться опытом в сфере ведения современных боевых действий. По их словам, речь идет о помощи в укреплении подводного флота Китая, надводного флота и систем противовоздушной обороны (ПВО) Ирана, а также ракетных сил КНДР.

Однако, по мнению аналитиков, сотрудничество стран «оси возмущения» приобретает все более горизонтальный характер и не замыкается исключительно на России. Например, они приводят свидетельства о военных контактах Ирана и Северной Кореи при экономической поддержке Китая. Кроме того, указываются возможные системные ограничения в данном четырехстороннем формате. По их словам, об этом свидетельствует неучастие России в военной помощи Исламской Республике во время конфликта с Израилем в июне 2025 г., что говорит об экономии Москвой сил для продолжения СВО.

Помимо военно-технического сотрудничества авторы выдвигают тезис о слаживании войск между четырьмя странами. В частности, они указали, что Россия и Китай с 2022 г. начали проводить регулярные военно-морские учения в Восточно-Китайском море, являющемся оспариваемой зоной. Также исследователи обвинили обе страны в приближении авиации к зонам опознавания ПВО таких стран, как Япония и Южная Корея. Признавая, что сейчас эти двусторонние форматы никак не включают в себя Иран и КНДР, они предположили, что проведение учений на трехстороннем или четырехстороннем уровне может произойти в будущем. Высказывается мнение о возможной интеграции и других стран, например Белоруссии.

Также Кендалл-Тейлор и Локкер обвинили все четыре страны в прощупывании «серых зон» стран НАТО посредством проведения серии диверсий против инфраструктуры стран Балтийского моря, а также киберопераций. Никаких доказательств в подтверждение этих слов приведено не было. Кроме того, было высказано мнение, что «ось возмущения» оспаривает ключевые нарративы и нормы стран Запада, что подтверждают действия стран в ООН и их голосование по ряду инициатив в последние годы.

Аналитики указывают на несколько характеристик, позволяющих говорить о дальнейшем усилении военной кооперации. По их словам, речь идет о «схожих политических режимах», стремлении оспорить гегемонию США, отстаивании собственных интересов в сфере национальной безопасности. Тем не менее такие проблемы, как «исторические обиды», асимметрия военной мощи и отсутствие формализованной структуры для долгосрочного планирования, видятся препятствиями на пути формирования коалиции.

Авторы приходят к выводу, что ускорившееся военно-техническое сотрудничество укрепило военную мощь каждой из четырех стран. В частности, высказывается мнение, что это настолько укрепило ВПК России, что она способна восстановить свои силы в кратчайшие сроки после окончания конфликта на Украине. Как следствие, Кендалл-Тейлор и Локкер выдвигают мысль о том, что военно-политическая напряженность в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе будет только нарастать. Кроме того, они предположили, что гипотетическое начало сразу нескольких конфликтов на пространстве Евразии или эскалация региональной напряженности без интенсивного военного столкновения может завершиться истощением ресурсов США.

Как следствие, аналитики призвали администрацию президента Д. Трампа воспринимать конфликт на Украине и ситуацию вокруг Тайваня как «звенья одной цепи» и не идти на уступки ни одной из сторон. Подобный подход во многом сочетается с проводимой стратегией Байдена по восприятию Евро-Атлантического и Индо-Тихоокеанского регионов как единого пространства сдерживания.

Франция

Парадокс Монтрё: как прекращение огня на Украине может проложить путь к эскалации на Черном море
(Le Paradoxe de Montreux: comment un cessez-le-feu en Ukraine pourrait ouvrir la voie à une escalade en mer Noire)

Аналитический портал «Рубикон»
(Le Rubicon)

Арон Лунд (Aron Lund), старший аналитик Шведского оборонного исследовательского агентства, ассоциированный исследователь Century International и Шведского института по международным делам

18.07.2025. URL: <https://lerubicon.org/le-paradoxe-de-montreux-comment-un-cessez-le-feu-en-ukraine-pourrait-ouvrir-la-voie-a-une-escalade-en-mer-noire/>

Теги: #Черное море #Конвенция Монтрё #Украина #Морская безопасность

Материал представляет собой перевод на французский язык статьи, изначально опубликованной американским порталом War on the Rocks, в сотрудничестве с которым функционирует Le Rubicon. А. Лунд рассматривает ситуацию на Черном море и режим Конвенции Монтрё во взаимосвязи с конфликтом на Украине, считая, что прекращение огня может побудить Турцию отказаться от своего решения 2022 г. полностью закрыть проливы для всех военных кораблей. Такое развитие ситуации видится ему нежелательным, поскольку создаст стратегический перевес в пользу России. Сама по себе постановка темы вызывает интерес, однако она явно нуждается в более взвешенном изучении. Шведский эксперт же видит положение дел в черно-белых красках, а советы руководству ЕС оказать давление на Турцию и отыскать новые форматы помощи Украине вряд ли можно воспринимать всерьез. Текст наиболее примечателен тем, что, по сути, служит доказательством настроя части западных политических и интеллектуальных элит продолжать конфронтацию с Россией, несмотря на мирные инициативы Д. Трампа, хоть на Украине, хоть где-либо еще.

Автор исходит из того, что возможное прекращение огня на Украине не разрешит конфликт как таковой, скорее всего, он просто перейдет в новую фазу, где возобновление боев будет чередоваться с мирными отрезками. В этом смысле большой интерес вызывает позиция Турции, с 2022 г. закрывшей Босфор и Дарданеллы для военных кораблей всех других стран. Отмена этого ограничения может привести как к росту военной активности Анкары, так и к быстрому восстановлению российского Черноморского флота, из-за чего море превратится в следующую арену противостояния. Исследователь подчеркивает, что сами по себе проливы имеют высокое стратегическое значение, будучи важным транспортно-логистическим узлом, предметом многовековых споров и «камнем в русском сапоге», создающим конфликтный потенциал между Россией и Турцией.

А. Лунд отмечает, что Конвенция Монрё, принятая почти 90 лет назад и имеющая много поводов для критики, удивительным образом пережила все потрясения этих лет. Главный ее принцип заключается в установлении разного режима проливов для разных стран: самой Турции, причерноморских государств или внерегиональных держав, а также в зависимости от того, находятся подписанты в состоянии войны или мира. Эксперт напоминает отдельные положения документа и считает, что некоторые из них Россия уже успела нарушить (например, после ремонта в Санкт-Петербурге подлодки Черноморского флота слишком долго задерживались в Средиземном море по пути обратно). С его точки зрения, конвенция чрезвычайно затрудняет проекцию мощи в Черноморский регион для любой внешней державы, гарантируя почти полное доминирование России и Турции. Регулирование же режима прохода остается полностью в руках Анкары без какой-либо международной инстанции, способной поставить ее решения в некие рамки.

Что касается действий турецкой стороны, то автор замечает некоторую разницу в ее подходах. В 2014 г. во время событий в Крыму она не стала перекрывать проливы для прохода военно-морских кораблей, но восемь лет спустя сделала это, притом расширительно толкував статьи 20 и 21 конвенции (запретила проход любых кораблей любых стран, не являясь при этом формально воюющей стороной и не находясь под угрозой опасности). По мнению Лунда, союзники по НАТО легко могли бы оспорить такую позицию Анкары, но пока не делают этого, понимая, что незначительное увеличение военно-морского присутствия в Черном море не стоит долговременного ухудшения отношений с Турцией.

Между тем установление режима прекращения огня на Украине и переход конфликта в некое новое качество могут сподвигнуть турецкое руководство вернуться именно к позиции 2014 г. Открытие проливов, соответственно, в очередной раз поменяет расклад сил на Черном море, поскольку, например, Россия сможет перебросить сюда корабли из других акваторий. Благодаря этому она получит стратегическое преимущество, ведь Украина в рамках помощи от европейцев получит лишь несколько малых судов, а флотилии западных стран вновь смогут заходить в Черное море, но ненадолго (21 день, согласно статье 18 конвенции). Впрочем, вполне возможно, что Москва не решится на укрепление своих сил в Черном море, учитывая, насколько выросли с 2022 г. противокорабельные возможности Украины.

Однако европейцам уже сейчас необходимо готовиться к сценарию, когда Турция все же снимет ограничения на проход военных кораблей через проливы. В частности, необходимо потребовать от Анкары обозначения четких критериев, по которым она применяет ту или иную статью Конвенции Монре́, добиваться от нее последовательной и предсказуемой линии в данном вопросе. Кроме того, по мнению Лунда, необходимо искать новые способы обеспечения военно-морской безопасности Украины, чтобы новые попытки российской эскалации «закончились так же, как и предыдущие».

Аналитический портал «Рубикон»
(Le Rubicon)

Оливье Риттиманн (Olivier Rittimann), корпусной генерал, с 2020 г. – руководитель Оборонного колледжа НАТО. В начале армейской карьеры служил в Иностранном легионе, затем перешел на работу в штабных структурах Альянса, где доходил до постов представителя Франции в Верховном главнокомандовании ОВС НАТО в Европе (SHAPE), начальника штаба Объединенного командования в Брюсселе и заместителя начальника штаба (VCOS) SHAPE.

09.07.2025. URL: <https://lerubicon.org/force-europeenne-en-ukraine-de-quoi-parle-t-on/>

Теги: #Украина #СВО #Коалиция желающих #Проекция силы #Сдерживание

Статья генерала О. Риттиманна представляет собой трезвый, аргументированный взгляд на идею «коалиции желающих» отправить войска на Украину, в последнее время активно продвигаемую президентом Э. Макроном. Автор показывает, что, даже если в политическом поле данная инициатива звучит весьма броско, на практике развернуть европейские силы на помощь Киеву в ближайшей перспективе будет невозможно. По поводу европейского контингента существует масса конкретных вопросов, ответы на которые пока не ясны, – от источников финансирования и круга полномочий до материально-технического обеспечения. Задача автора сводится к тому, чтобы публично обозначить эти вопросы и, таким образом, несколько снизить ожидания от инициативы президента. Главным препятствием на пути развертывания экспедиционных сил он справедливо считает отсутствие внутреннего консенсуса в ЕС, без которого столь крупный шаг тем более имеет мало шансов на успех. В целом материалу придает ценность тот факт, что его написал именно высокопоставленный военный, умеющий задавать конкретные вопросы, а не очередной идеологизированный западный эксперт, работающий в рамках мейнстрима.

Автор начинает свои рассуждения с расхожего тезиса о том, что после возвращения Д. Трампа на президентский пост в США Европа оказалась в невыгодном положении: обеспечивать собственную безопасность ей теперь придется преимущественно самостоятельно, найти пути решения украинского конфликта Белый дом пытается без привлечения европейских столиц. Усугубляют ситуацию внутренние расколы в Евросоюзе, в том числе по вопросу отправки вооруженных сил на Украину для обеспечения режима прекращения огня, когда и если тот однажды вступит в силу. Основными проводниками этой идеи выступают Франция и Великобритания, однако у ФРГ и Италии, Нидерландов и Швеции, как и у многих других стран, собственное отношение к подобной инициативе. Помимо текущих разногласий формирование контингента «коалиции желающих» потребует учета ряда военно-политических нюансов, которые О. Риттиманн и видит своей задачей обозначить.

Во-первых, встанет вопрос о контексте развертывания нового контингента и его задачах. Очевидно, что его едва ли получится сформировать без общеевропейского финансирования, но для этого потребуются консенсус (или как минимум отсутствие оппозиции) всех стран ЕС. Следует учитывать позицию России: для отправки западных сил на Украину понадобится и ее согласие, добиться которого будет тяжело. Не ясен функционал такой миссии, ведь, если западные военные будут играть роль «голубых касок» ООН, это принесет мало пользы и лишь создаст дополнительные риски. С практической точки зрения более эффективным решением было бы разместить европейцев «на втором эшелоне» обороны, чтобы они подкрепляли украинскую армию в наиболее значимых точках, проводили обучение, одним своим присутствием удерживали Москву от возобновления конфликта и вступили в боевой контакт с Российской армией при нарушении условий перемирия. Однако с таким спектром задач не согласятся многие страны ЕС, что возвращает к вопросу об отсутствии консенсуса.

Во-вторых, пока остается неочевидным, какие именно контингенты могут быть развернуты. Европейской армии в полном смысле слова не существует, а различные форматы сил быстрого реагирования (например, 5 тыс. военнослужащих, согласно «Стратегическому компасу» 2022 г.) остаются в основном лишь на бумаге. В распоряжении Евросоюза есть лишь национальные армии стран-членов, одновременно участвующие и в миссиях НАТО. Совокупное число солдат и офицеров в государствах ЕС, как будто бы выглядящее внушительно (1,5 млн), в реальности дробится на мелкие доли, тем более что сухопутные армии отдельных стран испытывают давние структурные проблемы. Стоит учитывать не только количество доступных военнослужащих, но и скорость развертывания: если во Франции есть возможность мобилизовать три батальона за 5 дней и одну бригаду за 10 дней (6–7 тыс. солдат), то в других случаях процесс может занять больше времени. Примеры той же Франции, где применение вооруженных сил происходит по решению президента, и Германии, где для этого сначала нужно получить согласие бундестага, показывают, что имеет значение разница в политических системах, не говоря о несовпадении стратегических культур.

В-третьих, остро стоит вопрос о размерах и материально-техническом оснащении европейских сил на Украине. Если представить, что европейцы отправят соединение, сопоставимое с корпусом (40–50 тыс. человек, или же 2–3 дивизии по 2–3 бригады в каждой), то это приведет к чрезмерной нагрузке на их армии, ведь, отправляя корпус, нужно сразу же готовить сопоставимые силы в тылу для ротации. Не стоит забывать, что сухопутные войска должны поддерживаться адекватными по размеру воздушными соединениями, а возможно, и элементами военно-морских сил в Черном море. Корпусу понадобится большое количество бронетехники, системы ПВО, артиллерия, инженерные войска, разведка, хорошо отлаженная командно-штабная сеть и логистика по боеприпасам, топливу и запчастям. Предстоит качественно усилить военные структуры в ЕС, придав им мандат по проведению наземных операций и расширив их штат.

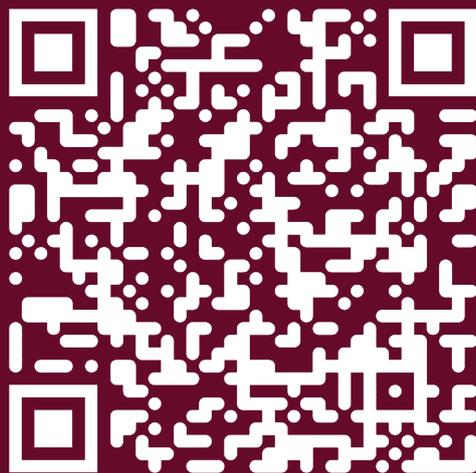
Генерал Риттиманн приходит к выводу, что, хотя идея развертывания сил ЕС на Украине ярко звучит в политическом дискурсе, на практике она остается труднореализуемой. Обо всех обозначенных выше вопросах европейским державам еще нужно договариваться; новый контингент ЕС предстоит развернуть самостоятельно, без поддержки США, а о проработанности такой идеи пока мало что свидетельствует. Более того, как только европейцы появятся на Украине, Россия, считает автор, обязательно проверит его на прочность. Это создаст неудобные вопросы: например, как реагировать, когда западные военнослужащие начнут погибать от точечных ударов БПЛА, артиллерийских залпов или тем более в случае полноценного столкновения с Москвой. У ЕС пока не наблюдается ни желания давать жесткий ответ в такой ситуации (опять же из-за отсутствия внутреннего консенсуса), ни вообще самой возможности отправить контингент. Гипотетическое появление европейских солдат на Украине и их еще более гипотетические успехи, безусловно, подтвердят стратегическую автономию ЕС от США, но они же ускорят эрозию НАТО, чего многие в Евросоюзе не хотели бы.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
И СТРАТЕГИИ НИУ ВШЭ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Предыдущие выпуски мониторинга здесь:

Заказать экспертно-аналитическую работу
в ИМВЭС НИУ ВШЭ:

achihachev@hse.ru